

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА ВОСТОКА

Газета издается с апреля 1917 года
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА,
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ УЗБЕКСКОЙ ССР

ВЕЧЕРНИЙ ВЫПУСК

Вторник, 11 января 1966 года

Цена 2 коп.

№ 11 (14956)

1966

год

НОВЫЕ
ПЕРЕВОДЫ

РУБАИ МАХМУДА - ПАХЛАВАНА

Имя замечательного хорезмийца Махмуда, известного по прозвищу «Пахлаван», завоевало на Востоке широкую популярность. В разных странах его знают с разных сторон. Это и удивительно, ведь он был и воином, и ремесленником, и торговцем, и прославленным борцом! Да, да, борцом, пахлаваном, в самом прямом смысле этого слова. В Иране он до сих пор считается святым — покровителем курашистов; в Индостане он известен как поэт... А на его родине, в Хиве, где высится его удивительная по красоте усыпальница, он долгое время славился больше как святым — исцелителем болезней, нежели как автор проникновенных рубаи. Только недавно его стихи, написанные на фарси, стали в узбекском переводе доступны его землякам. Удивительная судьба...

Мне пыль чужих шагов на сердце не садится.
Обид не наношу — и не спешу сердиться.
От ложной гордости субъюю

Зато в самом себе
мне нечего стыдиться!

Вина — виною: ей кара — искупленье.
Несправедливость горше преступления.
В своих заплатах вор не виноват.
Чем зло пиши,

тем мерзостней терпение.

* * *
Слез наших хватит тысячам потомков:
исторело время

тысячи потоков!

Ной прожил тыщу лет — лишь раз видел

поток.

Я же видел за год

тысячи потоков!

Итог свиданий — горшая разлука.

Из всех страданий горше — разлука.

Душа и телу различаться — смерть.

Но она показывается еще более удивительной, если мы вспомним, что страницы его биографии, полулегендарной, полуисторической, слушают одновременно вехой той многосторонней дружбы, которая связывает народы Средней Азии и Индостана. Ведь эти страницы относятся к тринацатому веку! Более семисот лет назад человек из Хорезма на годы обрел в Индостане вторую родину...

Сами его рубаи не доносят до нас весть об этих годах. Но, принося к нам голос поэта, краски которого никоим образом не потускнели от времени, они тем самым напоминают о древности и прочности наших культурных связей с народами великого полустрова.

Течение времени
во что нас превратят?

Что было до сих пор — мы знаем.

Что же дальше?

Мир повторяет все — но час не повторит.

Глянь на дорогу: путники ушли.

Все сверстники и спутники ушли.

Путь опустел; все близкие — далеко...

Пора идти, а спутники — ушли...

Перевод с фарси Александр НАУМОВ.

ВОСХОЖДЕНИЕ

одной из пресс-конференций посол Индии в СССР Касиль сравнил ход переговоров в Ташкенте с движением альпинистов на гору. Чем ближе вершина, тем труднее дается им каждый шаг. Однако восхождение продолжается...

и мы получили следующее

вчера

и сегодня

и завтра

и послезавтра

и завтра

ДОБРОЕ ИМЯ

СЮАРДЕССА, улыбаясь, объясняла, что мы летим на высоте семь тысяч метров и что до Улан-Батора еще около пяти тысяч километров воздушным путем. Все места в салоне были заняты: сидели разговаривали немцы из ГДР, это были композиторы, слева — монголы, возвращавшиеся из Чехословакии. По соседству с ними — пожилой болгарин, инженер, рассказывал русским о своем первом таком дальнем воздушном путешествии, о том, что в Монголию он едет в командировку от Совета Экономической Взаимопомощи.

Где-то за полчаса меня разбудил детский плач. Как-то не заметил я раньше, что впереди сидел монгол с ребенком.

Мужчина поднял крепко сбитого мальчика, что-то спросил, а потом, раскрытие дорожную сумку, дал сыну скопок.

Я поинтересовался целью их поездки.

— В Москве лечил своего Энхбата — охотно поделился заботливый отец. — После энцефалита — тяжелое осложнение: ангиома лица, паралич правой руки... Совсем недавним было. Наши врачи посоветовали свозить его в Москву. Весь месяц лежал мой сынок в детской клинике имени Филатова. Сделано, кажется, невозможное. Хотя и не все последствия болезни ликвидированы. Энхбат выглядит сейчас молодым.

Уложил сына в постель, Цэрэнжав-отэг заговорил о советских врачах, о московских, окружающих его вниманием, но больше всего о врачах.

Советские врачи — добрые и давние друзья монгольского народа. Поеzdите по нашей стране, и вам многое расскажут о них наши люди...

ОНА ПРИШЛА в гостиницу, что на самом виду в Далан-Дзадагадценце Южногобийского аймака и, прогнув руку, мягко сказала спасибо: «Здравствуйте». На ней было чистое зеленое оторочкой платье, хромовые сапожки. На левой стороне груди — одренские планки, ставшего ныне антигребиозным музеем.

Цэрэлэг — центр Архангайского аймака, и, по-нашему, город областного значения. Тут, как и в столице Монгольской Народной Республики Улан-Баторе, современные постройки: многоэтажные жилые дома, магазины, столовые, техникумы, школы — от начальных до десятилетних, Дом культуры, кинотеатр, детские сады и ясли, городская библиотека.

В отделении — огромная чаша стадиона. Да разве все перечислишь? Словом — современный и очень опрятный город.

Против одной из больниц памятник со склоном надпись «С. М. Немой».

Признается, мало что знал я об этом человеке, но монгольские друзья рассказали мне о нем.

— Как бы порадовался вместе с нами сейчас товарищ Немой, взглянув на наш Цэрэлэг, — говорит секретарь аймакома партии това-

рюю полость. Ведь операции проходили тогда при свете свечей.

Люди шли к советскому врачу — он поднимал их на ноги. Погнала гору и Цэдэн — она стала первой в аймаке медицинской сестрой.

— Молодец, Цэдэн, — говорили подруги, — ты не обижайся на нас старухи: из-за тебя жить не давали. Теперь же сами тебя в пример ставят.

Она вспоминает все это с какой-то нежностью и бережностью: ведь это были молодые годы.

Да, давно это было. Ныне Цэдэн — старшая медицинская сестра гигиенической станции Далан-Дзадагада. Дел много: консультации молодым матерям, проверка санитарного состояния столовых, школ, магазинов. Но разве это все? Что ни шаг — требуется ее глаз: в учреждении, жилом помещении, на улице. И это радует ее, она нужна людям, как нужен был им ее первый учитель — советский врач Григорьев.

Она радуется и тому, что сын ее Дамбасурен окончил медицинский техникум и сейчас работает фельдшером.

ВСТРЕЧА В ПУТИ МЕДИЦИНСКАЯ СЕСТРА ЦЭДЭН В ЦЭЦЭРЛЭГЕ

— Мечтает стать врачом, — ульбнувшись, сказала она на прощание.

ЦЭЦЭРЛЭГ — один из красивейших городов Монголии. Привольно раскинулся он в северных отрогах Хангайского хребта. Летом утопает в зелени и цветах, зимой покрыт белыми снегами. Здесь-то впервые, после длительной поездки по песчаной Гобийской пустыне, увидел я ораву ребятишек с салаками. Разумеющиеся тридцатиградусным морозом, они с удовольствием присаживались к горкам, что начиняется у бывшего буддийского храма, ставшего ныне антигребиозным музеем.

Цэрэлэг — центр Архангайского аймака и, по-нашему, город областного значения. Тут, как и в столице Монгольской Народной Республики Улан-Баторе, современные постройки: многоэтажные жилые дома, магазины, столовые, техникумы, школы — от начальных до десятилетних, Дом культуры, кинотеатр, детские сады и ясли, городская библиотека.

В отделении — огромная чаша стадиона. Да разве все перечислишь? Словом — современный и очень опрятный город.

Против одной из больниц памятник со склоном надпись «С. М. Немой».

Признается, мало что знал я об этом человеке, но монгольские друзья рассказали мне о нем.

— Как бы порадовался вместе с нами сейчас товарищ Немой, взглянув на наш Цэрэлэг, — говорит секретарь аймакома партии това-

рюю со склоном надпись «С. М. Немой».

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Старожилы аймаков, где ранее не было не только гостиницы, но и доброго запаса стерновых свечей для освещения юрт, хорошо помнят молодую Цэдэн, проворную наездницу и пастушку.

Тогда, а это было почти три десятка лет назад, много разговоров было вокруг ее имени.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Старожилы аймаков, где ранее не было не только гостиницы, но и доброго запаса стерновых свечей для освещения юрт, хорошо помнят молодую Цэдэн, проворную наездницу и пастушку.

Тогда, а это было почти три десятка лет назад, много разговоров было вокруг ее имени.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко залегли вдоль широкого лба, лучистым пучком пробежали от глаз к вискам.

Цэдэн пошла помощником к русскому врачу. Что скажет лама? Годы не посеребрили ее искинно-черные волосы, но морщинки глубоко з